

УДК 82.09
ББК 83.3(7Coe)53+76.02(2)

МАРК ТВЕН В РУССКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
Часть первая

© 2017 г. Е.А. Стеценко

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 15 марта 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-120-143

Аннотация: В статье анализируется интерпретация творчества известного американского писателя Марка Твена в русской дореволюционной периодической печати (1872–1916). Предметом исследования являются критические статьи, очерки, рецензии, корреспонденции, а также предисловия к публикациям рассказов и романов Твена, некрологи по случаю его смерти и прочие материалы, печатавшиеся в столичных и провинциальных газетах и журналах. Восприятие Твена в России менялось в зависимости от многих факторов — политической и культурной ситуации в стране, состояния общественной мысли и литературной критики, журнальной или газетной конъюнктуры и пр., всегда оставаясь многогранным и противоречивым. В разное время, в годы демократического подъема и реакции, в произведениях писателя искали то, что соответствовало духу времени и помогало решению тех или иных идеологических и художественных задач. Твен характеризовался то как «чистый юморист», то как крупный писатель, философ и моралист. Творчество писателя стало предметом дискуссий демократов, либералов и консерваторов, феминисток, приверженцев реалистического и натуралистического литературного направления. Высокую оценку получил Твен как автор книг для детей и юношества. Замалчивались и подвергались цензурным сокращениям те произведения, где содержалась критика монархии и империализма. История отражения и толкования творчества Твена в русской печати служит доказательством того, что восприятие инонациональных литератур — это динамический и неравномерный процесс, складывающийся из колебаний, повторов, возвратов к прошлому и движения вперед, к более глубоким уровням анализа.

Ключевые слова: американская литература, журналистика, творчество Марка Твена, литературная критика, общественная и культурная ситуация.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Стеценко — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

E-mail: estetsenko@mail.ru

MARK TWAIN IN THE RUSSIAN PERIODICALS Part 1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2017. E.A. Stetsenko

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 15, 2017

Date of publication: June 25, 2017

Abstract: This article deals with the interpretation of the works by Mark Twain, famous American author, in the Russian pre-revolutionary periodical press (1872–1916). The objects of research are critical articles, essays, reviews, correspondences, introductions to publications of Twain’s short stories and novels, obituaries, and other materials printed in central and provincial magazines and newspapers. Perception of Twain in Russia was contingent on many factors including political and cultural situation in the country, state of social thought and literary criticism, newspaper and magazine conjuncture etc., always remaining polysemantic and conflicting. In different times, in the years of democratic rising or reaction critics looked for something in Twain’s works that corresponded to the spirit of their time and helped solve ideological and aesthetic problems. Twain had reputation of either a “pure humorist” or a great writer, philosopher, and moralist. Democrats, liberals, conservatives, feminists, adepts of realistic or naturalistic trends in art discussed Twain’s works that became a source of knowledge about the United States and inspired polemics about Russia’s further development. Twain was highly esteemed as the author of books for children and young people. Yet his works that criticized monarchism and imperialism were often ignored or abridged. The history of Twain’s interpretation in the Russian press serves as evidence of the fact that perception of foreign literature is a dynamic and bumpy process, repeating itself and moving backwards but also getting to deeper levels of meanings.

Keywords: American literature, Mark Twain, Russian periodicals, literary criticism, journalism, social and cultural situation.

Information about the author: Ekaterina A. Stetsenko, DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, Moscow, Russia.

E-mail: estetsenko@mail.ru

Знакомство Твена с Россией, краткое и поверхностное, и знакомство России с Твеном как художником слова, длительное и глубокое, началось несколько необычным образом. Почти полтора столетия в нашей стране знают знаменитого писателя Марка Твена, но в первый и последний раз на русскую землю ступил малоизвестный журналист, ничего не говорящее имя которого — Сэмюэль Клеменс — мелькнуло среди прочих американских фамилий в провинциальной газете. Этим именем было подписано единственное его сочинение, появившееся в печати в русском переводе раньше, чем на английском языке. И прежде, чем сотни тысяч наших соотечественников познакомились с твеновскими произведениями, он познакомился с несколькими русскими гражданами, одним из которых был не кто иной, как император Александр II. Казалось, сама судьба своей парадоксальностью готовила почву для будущей славы великого юмориста и мастера розыгрышей.

Летом 1867 г., совершая круиз на пароходе «Квакер-Сити», Твен побывал в черноморских городах — Севастополе, Ялте и Одессе — и вместе с другими путешественниками посетил царскую резиденцию в Ливадии. Адрес, врученный американцами русскому самодержцу и составленный, как показали исследования [5, с. 128–136], Марком Твеном, был напечатан 24 августа в газете «Одесский вестник» (№ 186)¹ вместе с подробным сообщением о прибытии парохода из Соединенных Штатов, его маршруте и пассажирах.

¹ Информация о «Квакер-Сити» появилась также в «Николаевском вестнике» от 16 августа 1867 г. (№ 63).

В ту пору перу Твена еще не принадлежала ни одна книга. За пределами Америки его не знали, а в своей стране он был известен как журналист, лектор и автор популярного рассказа «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». В Европе его заметили позже, после издания «Простаков за границей» (1869) и автобиографической книги «Налегке» (1872). Именно к этому периоду относится и первая публикация о Твене в России, появившаяся в столичной газете «Биржевые ведомости» (1872, 4 сентября, № 249)². Публикация эта также была необычна, ибо содержала одновременно и анонимный очерк «Американские юмористы. (Марк Твен)», и включенный в него сокращенный перевод рассказов «Лягушка-скакуня из графства Калаверас» и «Женщина с душой», и несколько отрывков из книги «Налегке». По мнению библиографа И.М. Левидовой [4, с. 126], подкрепленному доказательными аргументами, этот материал принадлежит А.Н. Энгельгардт (1838–1903), известной журналистке, сотрудничавшей в таких крупных газетах и журналах, как «Биржевые ведомости», «Вестник Европы», «Отечественные записки», редактировавшей «Вестник иностранной литературы» и являвшейся прекрасной переводчицей, которая познакомила русского читателя с произведениями Рабле, Дж. Элиот, Золя, Стивенсона, Мопассана, Брета Гарта. Энгельгардт была женщиной передовых взглядов, с широким кругом интересов. Она занимала пост председателя Женского взаимно-благотворительного общества, поддерживала знакомство с видными деятелями отечественной культуры — Достоевским, Некрасовым, Салтыковым-Щедринным, Мусоргским. Эти факты биографии Энгельгардт, приведенные И.М. Левидовой, позволяют предположить, что интерес к литературе демократической страны был для нее вполне органичным и закономерным, и не случайно внимание переводчицы привлек Марк Твен, несмотря на явный, судя по публикации, недостаток имевшихся в ее распоряжении источников — сборника рассказов и журнальных фрагментов из воспоминаний о Неваде.

Произведения, с которыми познакомилась Энгельгардт, представляли Твена прежде всего как юмориста «дикого Запада». «Из окон редакции его ежедневной газеты, — пишется в очерке, — видны скалистые горы и степь, находящаяся еще во власти охотничьих народов первобытной

² Очерк перепечатан в вечернем издании «Биржевых ведомостей» — «Вечерней газете» от 16 сентября (№ 248).

Америки. В этой совершенно самобытной стране, среди золотоискателей, собравшихся отовсюду, всевозможных искателей приключений и счастья, среди менял и закладчиков, евреев и поляков, игроков и шулеров, словом, среди вечно подвижного населения Америки и Европы развилась совершенно самобытная натура, ум и литературные приемы Марка Твена»³. Утверждая, что его талант выработался «под влиянием совершенно новой, так сказать, зарождающейся жизни в пустынях Калифорнии», Энгельгардт уловила важные черты твеновского творчества — тесную связь с окружающей действительностью и ярко выраженный национальный характер. Рассказы Твена служат для нее примером американского юмора в целом, от которого вследствие специфических условий нельзя требовать «ни особой деликатности вкуса, ни такта, ни слишком строгого выбора сюжетов. Но взамен этих необходимых условий цивилизованной натуры западноевропейского писателя у американского юмориста находится богатый запас неистощимого юмора, живость воображения, энергия фантазии, неподдельная веселость...»⁴. В творчестве Твена Энгельгардт, несомненно, нашла подтверждение сложившегося у нее и большинства ее соотечественников представления об Америке и американской культуре — отличной от европейской, молодой, энергичной, деловой и по-плебейски непосредственной и грубоватой.

В своем очерке, написанном с большим литературным чутьем и мастерством, Энгельгардт, стремясь передать дух западной «вольницы» и авантюризма, в то же время пытается проанализировать и социальные аспекты изображенной Твеном жизни. Причины дикости нравов, пьянства и насилия она находит в переизбытке легко добываемых и легко утрачиваемых денег, в пороках «разнузданного» «мужского мира», лишённого вносимого женщинами «консервативного элемента». В ее подборе отрывков из книги «Налегке», где речь идет о месте женщин в быте золотоискателей, преломились вполне понятные размышления передовой русской журналистки второй половины XIX в. о роли своего пола в жизни человеческого общества.

По-видимому, не случаен и выбор рассказа «Женщина с душой» о правосудии в Калифорнии, где тема насилия приобретает трагическое

3 Биржевые ведомости. 1872. № 249 (4 сентября).

4 Там же.

звучание. Даже обладая ограниченным материалом, Энгельгардт сумела почувствовать разносторонность и неоднозначность дарования писателя, благодаря чему уже в первой русской рецензии Твен предстал не только как юморист, но и как искусный бытописатель и психолог. Не произнося слова «реализм», Энгельгардт подчеркнула конкретную, достоверную основу твеновского творчества и выделила его существенные характеристики, впоследствии нередко упускаемые из виду русской прессой.

Так имя Марка Твена пришло в Россию, влившись в поток обширной информации о культурной жизни и литературе зарубежных стран, занимавшей значительное место в пореформенной печати. В 1860–1870-е гг., первые десятилетия после отмены крепостного права, в период бурного подъема общественной мысли журналистика играла особую роль, оправдывая слова В.Г. Белинского, который назвал ее «зеркалом русской действительности». В газетах и журналах, причем не только демократического, но и умеренно-либерального и даже консервативного направления, возрос удельный вес публицистических материалов, сатиры, социальной художественной прозы, занявшей ключевые позиции в отечественной литературе. Пресса была также источником знаний об общественных порядках, политических коллизиях и духовных исканиях в других странах и тем самым обогащала и дополняла русский опыт. По вполне понятным причинам большой интерес у передовой интеллигенции вызывали Соединенные Штаты, страна буржуазной демократии, уничтожившая сословные предрассудки и покончившая с рабством. Путевые заметки, очерки, сообщения, литературные переводы и прочие материалы, связанные с Америкой, часто появлялись на страницах журналов, формируя общественное мнение о Новом Свете и служа поводом для размышлений о собственных проблемах.

Все больше внимания обращалось и на американскую литературу, первые сведения о которой стали доступными русскому читателю еще в 1825 г., когда в «Московском телеграфе» была напечатана статья Н.А. Полевого. Большой популярностью пользовались переводы американских романтиков — В. Ирвинга, Ф. Купера, Э. По, Г. Лонгфелло. В литературу США реализм пришел гораздо позже, чем в Европе, и в то время, когда во Франции возник натурализм, а в России был расцвет реалистического романа, ставшего вершиной культуры XIX в., в Америке только появлялись первые ростки нового метода. В России У.Д. Хоуэллс начал широко

переводиться лишь в 1880-е гг., а переводы Н. Уитмена К.И. Чуковского и К. Бальмонта относятся к 1900-м гг. Поэтому Твен мог быть воспринят одновременно в контексте как романтической, так и реалистической литературы.

Полемика между этими направлениями, далеко выходящая за рамки чисто литературных споров и нередко принимавшая форму борьбы идей, косвенным образом отразилась на приеме в России перевода первого романа Твена (в соавторстве с Ч. Уорнером) «Мишурный век», опубликованного в журнале «Отечественные записки» в 1874 г. (№ 5–6) и в том же году вышедшего отдельной книгой. «Отечественные записки», с 1868 г. издаваемые Н.А. Некрасовым, в которых сотрудничали М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.К. Михайловский, А.Н. Островский, Г.И. Успенский, Д.И. Писарев, принадлежали к числу самых передовых журналов России.

Переводчицом и автором предисловия к роману была М.К. Цебрикова, писательница и журналистка, сторонница революционно-демократических взглядов, в то же время связанная и с народниками, «чайковцами». Известная публицистка, она писала статьи на педагогические темы и занималась переводческой деятельностью, в числе прочих популяризуя романы Ч. Диккенса, пользовавшегося особой любовью у русского читателя за демократизм, гуманизм и юмор и оказавшего колоссальное влияние на русский социальный роман.

Нельзя не отметить, что первыми переводчиками и первыми рецензентами Твена в России были женщины, факт, возможно, и случайный, но, несомненно, показательный. Во второй половине века в русской журналистике, особенно в прогрессивной прессе — в «Современнике», «Русском слове», «Отечественных записках», «Деле», — активное участие стали принимать женщины, стремившиеся к материальной самостоятельности и духовному самовыражению. К этому времени относится и оживление женского образования — появляются средние женские учебные заведения, открываются высшие женские курсы. Женщины, которым приходилось вести нелегкую борьбу с консерватизмом и предрассудками, тянулись ко всему новому, передовому и, естественно, питали повышенный интерес к стране наибольших гражданских свобод, провозгласившей идеалы всеобщего равенства.

Таким образом, то, что первый роман Твена был представлен русской публике демократически настроенной журналистской, публиковавшей

Диккенса, и то, что он вышел в органе прогрессивной печати, к тому же в одних номерах с «Благонамеренными речами» Салтыкова-Щедрина, уже свидетельствует об уровне восприятия Твена русской передовой интеллигенцией и об отношении к нему как к серьезному социальному критику и сатирику.

Для того чтобы глубже разобраться в подобном восприятии Твена, нам придется забежать на несколько лет вперед и обратиться к дискуссии, вспыхнувшей в 1877 г. по поводу сопоставления романтизма и натурализма [6]. Э. Золя, главный идеолог натурализма, сотрудничая в «Вестнике Европы», использовал этот журнал как трибуну для резких выпадов против творчества В. Гюго и Жорж Санд, которых он упрекал за подмену реальности эфемерными идеалами. Его точка зрения у многих встретила сочувствие, в том числе у некоторых революционных демократов, в частности у Н. Шелгунова, поддержавшего Золя в крупном журнале «Дело». Это объясняется тем, что в то время натурализм часто отождествляли с реализмом, а реализм считали самым прогрессивным методом, выражавшим, по мнению Шелгунова, «идеи республиканского строя в искусстве».

Своеобразную, но, при ближайшем рассмотрении, в целом верную позицию заняли «Отечественные записки», вставшие на защиту романтизма и проницательно определившие одно из самых уязвимых мест в теории натурализма — отсутствие положительного идеала. Защита романтизма для авторов этого журнала означала не отрицание необходимости правдивого отражения конкретной действительности, а утверждение обязательной для литературы «тенденциозности», понимаемой как наличие высокой идейности. Усмотрев в натурализме опасность фактографической, приземленной описательности, они, современники Тургенева, Достоевского, Толстого, поддерживали активное искусство, находящееся в центре борьбы идей, обладающее положительной программой.

С критикой натурализма выступила М.К. Цебрикова, писавшая, что нельзя, порицая романтизм, вместе с присущими ему «идеалами идеализма» отменять всякие идеалы в принципе и предаваться лишь копированию «пошлой и гнетущей действительности»⁵. Здесь она сформулировала свою эстетическую программу и свое понимание соотношения литерату-

5 Отечественные записки. 1874. № 5–6.

ры и жизни, ранее нашедшие конкретное выражение в ее предисловии к «Мишурному веку» М. Твена и Ч. Уорнера. В этом произведении Цебриковой импонирует прежде всего достоверность изображения Америки как она есть, без прикрас. Приветствуя разоблачительный пафос романа, она возмущается американской и английской охранительной критикой, принявшей его в штыки и поучавшей авторов, что «грязное белье нужно стирать дома». Цебриковой кажется полезным «это беспощадное обличение мрачных сторон американской жизни, которое могло раздражить до исступления квасной патриотизм», и она последовательно проводит идею о необходимости критического подхода к состоянию общества и его нравов. В том, что Америка, привыкшая, что на нее «уже почти целый век с надеждою обращаются глаза передовых людей Европы», занялась самокритикой, Цебрикова усматривает признак здоровья нации. «Возможность, — пишется в предисловии, — появления романа, который, не останавливаемый никакими соображениями, разоблачает испорченность общественной жизни, есть само собой уже доказательство, насколько в обществе сильно сознание общественной правды»⁶. Увидев в романе и «скорбь о язвах общества» и «надежду на близкое исцеление», Цебрикова правильно почувствовала идейную направленность раннего творчества Твена, критиковавшего пороки современного ему общества, но сохранявшего веру в принципы американской демократии.

Цитируя предисловие авторов к «Мишурному веку», Цебрикова особо подчеркивает близкую ей идею о том, что «дух спекуляции» и «поклонение Ваалу» могут оказаться губительными для американцев, если они не выберут благородных целей и не воодушевятся высокими идеалами. В своем анализе романа она приходит к выводу, что в нем нет подлинных героев, т. е. носителей тех или иных убеждений, поскольку все персонажи заняты лишь наживой и поглощены материальными интересами. А главная героиня Лора, «сильная женская личность, достойная лучшей участи», пишет Цебрикова, погибла оттого, что «что мишурный век не мог дать ей других идеалов жизни, кроме поклонения золоту и наслаждению»⁷. Однако Цебрикова не порицает писателей за изображение подобных героев и не объясняет отсутствие идеалов у последних отсутствием идеалов у самих авторов.

6 Там же.

7 Там же.

По ее мнению, Твен и Уорнер — моралисты, с высоты своего критического мышления отражающие реальную ситуацию. «Поражает всего более, — замечает она, — отсутствие высших идеалов жизни, которые автор воплощает в любимом герое; но в эпохи общественного разложения, вроде той, которую оба автора изображают, такие идеалы спят еще в сознании общества — и вот почему местами тон обличения, господствующий в романе, переходит в злобную сатиру»⁸.

Цебрикова не пишет о методе Твена, но из ее анализа «Мишурного века» очевидно, что она, относя к главным чертам произведения правдивость и откровенность изображения действительности со всеми ее пороками, не причисляет его к натуралистическому искусству. Цебрикова делает акцент на обличительном пафосе романа и тенденциозности авторской позиции, определившей его сатирическую тональность. Это, безусловно, свидетельствует о том, что роман был понят Цебриковой как реалистический, близкий по духу той литературе, которая доминировала в России середины XIX в.

В предисловии нет прямых соотнесений с русской ситуацией, но очевидно, что Цебрикову заинтересовали в «Мишурном веке» идеи, близкие к ее демократическим взглядам и созвучные напряженному поиску общественных идеалов, столь присущие всей общественной литературе. В 1860–1880-е гг. русская интеллигенция с особым вниманием относилась к Америке, стремительно развивающемуся звену капиталистического мира. В России после отмены крепостного права происходили процессы капитализации экономики, на передний план выдвигались новые слои населения, в освободительном движении наступил разночинский этап, распространилось народничество, шли ожесточенные споры о путях, которыми пойдет страна. Существовали и сторонники традиционного европейского образца развития, и более демократического — американского, и особого русского — патриархально-общинного. Мнения сталкивались и по поводу той угрозы, которую несла с собой буржуазная цивилизация, — угрозы потери духовной культуры, вытесняемой культом материального накопления. В художественной литературе и в публицистических статьях стало чуть ли не центральным слово «идеал», за которым могла стоять и научная концепция социального устройства, и абстрактная идея, и утопическая мечта.

8 Там же.

Две рецензии, появившиеся после публикации первой части «Мишурного века» в «Отечественных записках», показывают, насколько разными были представления об идеале у русской общественности того времени. Во влиятельной либеральной газете «Голос» (СПб., 1874, 11 июля, № 190) появилась статья за подписью Р. (по мнению И.М. Левидовой, это исторический романист В.Р. Зотов), где «Мишурный век» противопоставляется заповолившимся русские журналы английским бульварным сочинениям. Автор явно сочувствует демократическому настрою и жизненной правдивости романа и отрицательно относится к европейскому элитарному снобизму. Он ругает бульварную беллетристику за «лицемерие и наивное поклонение золотому тельцу», за «недостаток сочувствия к обиженным природою, к обездоленным благами сего мира» и за то, что в ней «комфортабельная обстановка, респектабельность на первом плане как высший и единственный идеал человечества». О романе же Твена в рецензии говорится: «Зато как приятно бывает после такой дребедени встретиться с произведением, в котором видно живое, честное отношение автора к изображаемому миру! Точно как будто после гнилой воды стоячего, поросшего тиною пруда человек окунулся в чистую струю хоть небольшой, да быстрой речки. Такое впечатление производит чтение романа “Мишурный век”»⁹.

В полемику с «Голосом» вступил исторический романист В.Г. Авсеенко, резко отрицательно встретивший публикацию «Мишурного века». В «Очерках текущей литературы» правой газеты «Русский мир» (СПб., 1874, 18 июля, № 194) он с иронией пишет, что «Голос» «открыл Америку», но не реальную, а вымышленную самой газетой: «Они еще не совсем разглядели настоящую, действительную Америку, страну швейных машин, виски и янки, и мнят видеть перед собою некое сказочное государство, имеющее воплотить в себе их собственные идеалы общежития и социального устройства». Авсеенко утверждает, что в области науки и литературы Америка «далеко отстала от Старого Света» и в ней отсутствует подлинная культура. Эта мысль высказывалась самими американскими просветителями и романтиками и прозвучала еще в упоминавшейся статье Н.А. Полевого, который считал, что Америка слишком занята практиче-

9 Голос. СПб., 1874. № 190 (11 июля).

скими делами, чтобы посвящать себя искусству. Не клеймя США за «отдаленность от духовных и эстетических интересов» и в целом верно отмечая расхождение на практике идеалов с действительностью, автор рецензии подходит к проблеме с крайне ретроградных позиций. В американской литературе ему претит изображение низших слоев общества, грубых сторон жизни, описания страданий. Все это он называет «любовью к грязи», направляя острие своей критики и в сторону родной демократической и народнической литературы. Авсеенко упоминает Г. Успенского и Ф. Решетникова и сетует, что русские беллетристы «заставляют героев глотать тараканов». Роман Твена он явно воспринимает как натуралистический, а натурализм изобличает в отсутствии высоких идеалов, но его собственные идеалы сводятся к «изящному благородству» и той самой аристократической респектабельности, которая была высмеяна в «Голосе».

Различные оценки «Мишурного века» были связаны с противоречивым отношением русской общественности к Америке и ее культуре, которое во многом определялось внутренними отечественными проблемами и идейными разногласиями. Соединенные Штаты воспринимались как страна экономического процветания и уродливой страсти к предпринимательству, как царство демократии и плебейской духовной приземленности, как носитель нового, прогрессивного и угроза вековой европейской культуре. Достоинства и пороки Америки, реальные и мнимые, трактовались людьми несопадающих взглядов порою прямо противоположным образом, становясь основанием для оптимистических или пессимистических прогнозов насчет будущего Нового Света. Если Авсеенко, подходя с консервативных позиций, впадает в мрачный скепсис, то Цебрикова и Зотов, опираясь на демократическую точку зрения, верят в преобладающее здоровое начало американской нации.

Однако нередко и демократически настроенные литераторы демонстрировали негативное отношение к американскому обществу и американской литературе. В записках «Год в Америке. Из воспоминаний женщины-медика» А.Н. Луканиной, опубликованных в либеральном журнале «Вестник Европы» (СПб., 1882, № 6), открыто выраженные демократические взгляды автора побудили ее нарисовать весьма неприглядную картину жизни в США, где ей бросились в глаза барышничество, контрасты богатства и бедности, свободы и насилия. «Трудно удержаться от предпо-

ложения, — пишет Луканина, — что индивидуализм и капитализм будут со временем и причиной поражения этой своеобразной цивилизации, когда человечество одушевится новыми, более высокими нравственными принципами и идеалами любви и братства» [1, с. 503]. Американская литература представляется ей искусственной, вторичной по отношению к европейской, лишенной духовности. Среди слабых писателей, склонных к поверхностному юмору, называется и Твен.

Но такая оценка Твена, вызванная, по-видимому, недостаточным знакомством Луканиной с его творчеством, впервые появилась в русской печати. В целом в те годы Твен рассматривался как социальный писатель, правдиво отражающий быт своей страны. В том же «Вестнике Европы» (1883, № 8) в корреспонденции В.Н. Мак-Тахан (Елагиной) очерки Твена используются для иллюстрации состояния дел в американской журналистике. А известный поэт и переводчик П.И. Вейнберг напечатал в «Отечественных записках» (1877, № 6) цикл рассказов Твена, по его словам, для того, чтобы узнать мнение об Америке из уст американца и продемонстрировать картины американской жизни, о которой в России ходят разноречивые толки. Отобранные Вейнбергом рассказы — «Журналистика в Теннесси», «Контракт на поставку мяса», «Процесс Джорджа Фишера», «Застольная речь», «Письма китайца из Америки на родину» — представляли Твена не только как юмориста, но и как сатирика, высмеивающего нелепость бюрократии и дикость нравов.

В подобном подходе к Твену русская передовая критика 1870 — начала 1880-х гг., время общественно-политического подъема, во многом обогнала критику американскую, которая в лице «бостонской школы» ругала писателя за «низкие объекты изображения», за грубость языка и отсутствие назидательного морализаторства и видела в нем лишь выразителя плебейской культуры.

В 1880-х гг. Твен предстал перед русской читающей публикой еще в одном качестве — как автор книг для детей и юношества. В 1877 г. в журнале «Семейные вечера» (СПб., № 2–12) были опубликованы «Похождения Тома Сойера», которые вышли отдельной книгой в 1886 г. (до 1917 г. они выдержали в России около 30 изданий). В 1883 г. в тех же «Семейных вечерах» (№ 1–7) появился роман «Принц и нищий», ставший самой популярной книгой Твена в России (до Октябрьской революции переиздавался

более 50 раз). «Приключения Гекльберри Финна» впервые увидели свет на русском языке в журнале «Изящная литература» (СПб., 1885, № 2–5) и выходили в последующие 30 лет около 20 раз.

Эти произведения были довольно высоко оценены прогрессивной прессой. Не удивительно, что в 1883 г. рецензии на «Принца и нищего» поместили такие журналы, как «Отечественные записки» (№ 8) и «Дело» (№ 7), которых, безусловно, привлекла в романе прежде всего его антимонархическая и антифеодалная направленность. Противопоставляя «Принца и нищего» распространенной в то время фальшиво-дидактической и сентиментальной детской литературе и отмечая увлекательность повествования, рецензенты увидели в этой книге присутствие серьезной идеи столь дорогого русским демократам возвышающегося над действительностью идеала. Автор рецензии в «Деле» считает фантастический сюжет лишь оболочкой, за которой скрывается сатира на общественные порядки. Называя роман по сути не историческим, а современным и полезным не только для детей, но и для взрослых, он косвенно намекает на отечественную ситуацию, где многие еще проявляют достойную осмеяния «готовность умиляться даже до проливания слез по поводу явлений, всю мишурность которых Твен показывает нам воочию»¹⁰. Аналогичным образом оценили «Принца и нищего» в журнале «Сын отечества» (1887, № 188), где также подчеркивается соединение в произведении изящности формы и занимательности изложения с глубокой идеей. Именно такому примеру, полагает рецензент, должны следовать детские писатели, как правило, избегающие затрагивать конкретные общественные темы и проповедующие лишь общую гуманность. Литература же должна воспитывать доброту и честность, но развивать «чувство общности» и готовить борцов с несправедливостью «во имя истины и любви к людям».

«Принц и нищий», «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна», воспринимавшиеся почти исключительно как произведения для подростков, продолжали аннотироваться и получали положительные рецензии и в 1890-е, и в 1900-е гг., оставаясь самыми известными книгами Твена. Причем в начале XX в. критика стала обращать больше внимания на их художественные стороны — новизну, правдоподобие, реа-

¹⁰ Дело. 1883, № 7. С. 75.

листичность характеров, авторское мастерство. В «Вестнике воспитания» (1903, № 5) «Приключения Гекльберри Финна» хвалят за глубину психологического анализа и демонстрацию процесса «выработки нравственного склада» у героя, играющие большую воспитательную роль. (Между тем, оговаривает рецензент, не все в книге может быть близким и понятным русским школьникам, имеющим другие условия жизни, пользующимся меньшей свободой и не обладающим чисто американской чертой — особой «страстью к аванюре и возможным приключениям».) В целом, как верно пишет А.К. Касьян, большинство рецензий отличалось «поверхностной легкостью» и носило рекламный, а не литературоведческий характер [2].

Однако восторженный прием твеновских сочинений в России вовсе не был единодушным. Довольно холодно отозвался о «Принце и нищем» популярный семейный журнал «Нива» (1883, № 9), который признал роман интересным, но малопонятным для юношества, поскольку там излагается «странная история», производящая впечатление «не очень удачного вымысла». С особой неприязнью были встречены детские книги Твена официальной консервативной педагогической общественностью, реакция которой напоминает отношение к писателю американской ортодоксальной критики, набросившейся на него за антипедагогичность, «искажение исторической правды», насмешку над «святынями» и «аморальность».

В «Обзоре детских книг за 1886 г.» в «Педагогическом сборнике» (1887, июль–декабрь) рецензент М.В. Соболев считает, что «Приключения Тома Сойера» «не удовлетворяют требованиям педагогической критики», ибо, прочитав книгу, дети могут сделать выводы, что нехорошо быть «благовоспитанным мальчиком», что не обязательно прилежно учиться, «что награды можно получать хитростью», что учителя — угнетатели и жестокосердные пьяницы, что церковные молитвы — лицемерие и т. д. В рецензии того же автора на «Приключения Гекльберри Финна» («Педагогический сборник», 1889, № 7) верно выделены новаторские стороны книги — демократизм, сатира на бульварные романы, противостояние Гека — «сына природы» — окружающей его цивилизации, но в характере главного персонажа усматриваются прежде всего «дурные влияния». Соболев не считает возможным рекомендовать для детского чтения сочинение, где описыва-

ется белая горячка, а герой, призванный, по канонам детской литературы, служить образцом и примером, ворует и лжет.

Близкое мнение высказывает в «Обзоре детской литературы за 1885–1888 гг.» (СПб., 1889) Я.В. Абрамова и ряд других авторов, которые пишут, что для детского восприятия книги Твена излишне ироничны по тону и слишком «объективно» изображают «хорошие и дурные стороны своих героев». И совсем уж несправедлива характеристика Твена как бульварного писателя среднего дарования, данная в журнале «Воспитание и обучение» (1903, № 7). Твен называется там поставщиком повестей, которые нельзя «причесть к драгоценным книгам детской библиотеки» и которые ничем не отличаются от продукции, наполняющей американский рынок, так как в них переизбыток «забавляющего фантазирования» и смеха ради смеха, банальная авантюрная фабула и схематичные герои.

Малоудачным сочла педагогическая пресса и переложение «Приключений Тома Сойера» для сцены, сделанное известным театральным деятелем, актером и режиссером Б.С. Гусевым (Глаголиным). Хотя в ряде рецензий эта пьеса, с «живыми типами» и без «вязнущей на зубах морали», противопоставляется распространенным в русском театре постановкам, проповедующим «плоские истины» и изображающим «безжизненных кукол» («Север», 1898, № 33; «Самарская газета», 1897, № 239), но в целом она была оценена отрицательно как вредная с воспитательной точки зрения.

Русская педагогика XIX в. дала немало блестящих имен и выдвинула много передовых идей, но средний ее уровень был невысок. Традиционно считалось, что ребенка нужно воспитывать в неведении относительно неприглядных сторон и противоречий жизни, на четком, механистическом разделении положительных и отрицательных примеров, с внушением абстрагированных и абсолютных моральных формул и социально разграниченных норм поведения. Подход к Твену с такими косными мерками, естественно, не стимулировал его восприятия как реалиста, бросающего вызов ханжеству и лицемерию. В первые годы после выхода в свет твеновских «книг для детей» их несоответствие привычным образцам ощущалось острее, чем их художественное новаторство. Твен творил по своим, установленным им законам, а его судили с точки зрения обветшавших жанровых догм. Да и в целом ни в России, ни в Америке тогда еще, хотя и по разным

причинам, не созрели условия для того, чтобы в полной мере оценить место Твена в американской и мировой культуре. В Америке реализм только зарождался, в России он был в поре зрелости и развивался по линии глубокого философского осмысления жизни и психологизма, в формах, отличных от твеновского художественного мира. Лишь позже, с расстояния времени, утвердился понимание того нового, что внес писатель в национальную реалистическую литературу США, а «Приключения Гекльберри Финна» будут названы «великим американским романом».

Со второй же половины 1880-х гг. общая тенденция восприятия Твена в русской прессе приобрела направленность, как раз искажающую истинную картину его творчества. Связано это прежде всего с изменением общественно-политической ситуации в России. После убийства Александра II в 1881 г. наступил длительный период реакции. В 1884 г. закрылись печатные органы революционных демократов — «Отечественные записки» и «Дело», установилась жесткая цензура. Демократические традиции еще поддерживались в ряде провинциальных газет и журналов, но в целом по стране ведущее место заняла либеральная пресса. Распространилось множество изданий бульварного толка, изобилующих дешевыми сенсациями, малозначительными фактами, уголовной хроникой и пошловатым юмором. Серьезные идеи, критические размышления и социальная сатира были для издателей крайне нежелательными, поэтому популяризовались в основном юмористические рассказы Твена на бытовую тематику. Более же глубокие вещи, даже переведившиеся, такие как «Простофиля Вильсон», «Человек, который совратил Гедлиберг», широкой рекламы не получали и фактически не рецензировались. Замалчивались и подвергались цензурным сокращениям те произведения, где содержалась критика монархии и империализма. Многие памфлеты писателя 1890–1900-х гг. вообще не были известны русскому читателю, а «Монолог царя» вышел в 1905 г. нелегально¹¹.

Искажая таким образом творческий облик Твена, русская журналистика с радостью подхватила бытующую на Западе легенду о беззлобном юмористе и оптимисте, живом воплощении «американской мечты». Твен, ставший мировой знаменитостью, пользовался особым вниманием прессы, комментировавшей каждое событие его жизни, следившей за его путеше-

11 См. об этом подробно в диссертации А.К. Касьян [5], где приводятся факты цензурных запретов на некоторые рассказы Твена.

ствиями, осаждавшей его интервьюерами. Из американской, английской, французской, немецкой периодики перепечатывались многочисленные анекдоты о писателе¹², преимущественно одни и те же, кочующие из журнала в журнал, из газеты в газету. Они подхватывались и либеральными, и крайне правыми изданиями, веселили и столичную, и провинциальную публику, постоянно мелькая в рубриках типа «Смесь», «Разные разности», «Из иностранной жизни». В «Русском вестнике» (1897, № 7), например, анекдот о Твене был помещен рядом со статьями о «Виноделии в Румынии, Сербии, Болгарии, Греции и Турции» и о «Развитии сети подводных кабелей», а в «Вестнике иностранной литературы» (1897, № 11) — рядом с заметками «Улучшение хорошеньких женщин» и «Сколько волос на голове человека».

Первое в России сенсационное сообщение о личности Твена появилось в апреле 1881 г. в «Литературном журнале», использовавшем материалы из американского журнала «Сан» об «умственном расстройстве» писателя, содержащее описание его эксцентричных поступков. «Русские ведомости» (1885, 23 апреля, № 111) впервые поместили информацию о происхождении псевдонима Твена от лоцманского термина¹³, затем многократно перепечатанную.

12 Среди самых популярных анекдотов — анекдоты о визите к Г. Бичер-Стоу без галстука; о первом гонораре, полученном в школе; о залезших к Твену ворах; о его сватовстве; о немецком проповеднике и словаре и пр.

13 В 1886 г. в «Неделе» (2 февраля, № 5) и «Одесском листке» (7(19) февраля, № 36) пересказывается взятое из иностранной прессы выступление Твена на вечере типографских рабочих, где дается совсем другая версия происхождения псевдонима: «Во времена процветания только что описанной газеты [где работал Марк Твен. — Е.С.] рядом с редакцией помещался кабак. Туда частенько забегали наборщики, которые пользовались здесь кредитом, потому что кабатчик покровительствовал литературе. В числе этих рабочих, товарищей Клеменса, был один, который обыкновенно стремительно вбегал в кабак, быстро выпивал две рюмки водки и еще быстрее исчезал, крикнув на лету покровителю литературы на своем провинциальном жаргоне: «mark twain!» (т. е. mark two — запиши две). Это повторялось так часто, что слова «mark twain» обратились в прозвище любителя двух рюмок. О нем вспомнил Клеменс, когда пришлось подписать свой первый юмористический очерк, — и благодаря этому обстоятельству оригинальный возглас наборщика обратился в очень известное литературное имя». Близкое, но несколько иное толкование происхождения твеновского псевдонима содержится в мемуарах Альфа Дотена, утверждающего, что Твен использовал выражение «запиши две» в Вирджиния-сити, когда просил бармена угостить его и Дотена (*Doten, Alf. Recollections of His Life Here — "San-Francisco Examiner", 1910, April, 22, p. 2 // Tenney Th. Mark Twain: A Reference Guide, 1977*).

Во время пребывания Твена в Европе в конце 1890-х гг. газеты буквально пестрели подробностями о его семейной жизни, планах, интервью и лекциях¹⁴. Эти сведения часто обрастали сплетнями, искажались до неузнаваемости, перевирались. Твену приписывали чужие произведения и чужие поступки, а однажды был распущен слух о его кончине, по поводу которого писатель дал свое знаменитое опровержение.

Интерес к частной жизни Твена был настолько велик, что даже такая серьезная журналистка, как А.Н. Энгельгардт, представляет интервью из рассказа Твена «Разговор с интервьюером» как подлинное событие твеновской биографии («Вестник иностранной литературы», 1891, № 3), а сообщение о завершении книги «По экватору» («Вестник иностранной литературы», 1897, № 10) сопровождается не ее анализом, а подсчетом вырученных автором денег и оставшихся у него долгов и информацией о продаже братам Твена золотой жилы на Аляске.

Несчастья, постигшие писателя на склоне лет: смерть близких, разорение, банкротство, необходимость трудиться ради покрытия долгов — не изменили его репутацию шута. В «Новом времени» (1897, № 7683) подчеркивалось, что слухи об удрученности Твена — вымысел, так как он, будучи типичным американцем, привык преодолевать трудности и не терять бодрость духа и неиссякаемый юмор. В статье о писателе в «Большой энциклопедии» (1903, т. 11) он характеризуется как мастер комического очерка, «безобидного юмора, основанного на поэтическом понимании явлений природы». В «Одесском листке» (1902, 7 июля, № 173) И. Шкловский (Дионео), сравнивая юмор Твена со «злобным смехом Свифта» или «ядовитым глумлением Вольтера», называет его «невинным журчанием ручейка» и предрекает твеновским островам скорое опошление и забвение. Но нужно отдать должное автору этой заметки: он делает вывод, что Твен войдет в историю литературы прежде всего как серьезный писатель, создавший «Принца и нищего», «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна».

На протяжении нескольких десятилетий Твен остается любимой фигурой в русских юмористических журналах, которые печатают не толь-

14 Исключительной популярностью, например, пользовалась речь Твена в Вене о сложностях немецкого языка, перепечатанная в России многими газетами и журналами.

ко его рассказы, но и анекдотические случаи из его жизни, и пародии на его произведения, и подражания его художественной манере. В популярной «Стрекозе» известный фельетонист И.Ф. Василевский-Буква излагает биографию Твена с массой комических нелепостей, обильно пересыпая ее забавными анекдотами (1894, № 14), а К.А. Михайлов (Хома Философ) приводит афоризмы Твена с собственными комментариями, содержащими намеки на русскую жизнь (1904, № 34). Вот один из примеров такого «дописывания» Твена: «Мы должны быть благодарны дуракам, — говорит Марк Твен, — ибо без дураков умные не могли бы выдвинуться. Но, — прибавляем мы от себя, — у нас, должно быть, все-таки мало умных, ибо выдвигается много и дураков»¹⁵. Личность Твена и его юмористика «эксплуатировались» всеми возможными способами.

Для характера восприятия твеновского юмора показательным то, что его считали аналогичным юмору другого чрезвычайно популярного в России писателя — Джерома К. Джерома. В 1895 г. в «Вестнике иностранной литературы» (№ 1) были напечатаны рассказы Твена и Джерома, имеющие одинаковое название «Часы». В предисловии к ним общность авторов определяется тем, что у обоих «юмор в большинстве случаев исчерпывает собою самое содержание и цель произведения». Различия не отрицаются, но ограничиваются лишь национальной спецификой. У Джерома рецензент видит европейское стремление к идеализированию, философствованию и морализаторству, у Твена — американское стремление к реалистичности. На более глубоком уровне сравнил этих писателей известный критик либерального толка А.А. Измайлов в «Русском слове» (1910, № 82), который нашел у Твена не только больше реализма и простоты, но и исключительное богатство используемых средств комического, выгодно отличающее его от Джерома, часто прибегающего к искусственным приемам и водевильным концовкам. Но и Измайлов оценивает Твена в целом как «чистого юмориста». Разумеется, у Твена немало рассказов, где смех становился самодовлеющим, но упреки в поверхностности и легковесности, справедливые по отношению к Джерому, ни в коей мере не могли быть в равной степени справедливыми по отношению к Твену, чье творчество гораздо шире игры с комическими ситуациями.

15 Стрекоза. 1904. № 34. С. 7.

Однако именно внешние юмористические приемы были подхвачены находившимися под явным влиянием Твена русскими юмористами — Аркадием Аверченко, Тэффи (Н.А. Лохвицкая-Бучинская) и многими другими, писавшими в «Стрекозе» и «Сатириконе» [3]. На это обратил внимание Г. Танин (Е.М. Эпштейн) в статье «Современный юмор» («Русские ведомости», 1914, № 26), где он ругает отечественных авторов за подмену содержательного юмора вульгаризированными техническими средствами, почерпнутыми у Чехова, Салтыкова-Щедрина, Диккенса и Твена. Обыгрывание преувеличений, запутанных сюжетных коллизий, принципов «чепухи», «геометрической прогрессии» и пр. превращается у них в самоцель, в высмеивание всего окружающего без разбора. Причина этого, полагает критик, кроется в безыдейности, в отсутствии у писателей собственного мнения, гражданских чувств, любви и ненависти, в потере общественного идеала, традиционно присущего национальной литературе.

Лишь поверхностным сходством с оригиналом отличалось большинство прямых подражаний Твену, мелькавших в русских газетах и журналах. Были среди них совершенно нелепые графоманские опусы вроде изданного на средства автора сборника М.Л. Бинштока «Мистрисс Крукс и Марк Твен перед лицом общественного мнения (и другие рассказы)» (СПб., 1913). Были довольно остроумные, но лишенные оригинальности вариации на темы твеновских рассказов, действие которых переносилось в Россию (В. Дорошевич. Южные журналисты. Вольное подражание Марку Твену. — «Одесский листок», 1897, 9 (21) февраля, № 37; Паскарелло (М.Г.). Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Прекрасная тема для остроумных людей. Перевод с американского. — «Самарская газета», 1895, № 11, 122, 123). Иногда в подобных сочинениях сохранялись лишь американский фон и колорит, содержание же вкладывалось, скорее, типичное для русской литературы. В рассказе «Мундир. (По Марку Твену)» подписанном неким Buasse («Волгарь», Н. Новгород, 1896, 331), герой — американский юноша, сражавшийся за свободу в Гражданской войне и впоследствии растерявший высокие идеалы и мечты, погрязший в мещанском болоте и предрассудках, напоминает больше персонажей Чехова, чем Твена.

Однако некоторые подражания свидетельствуют о том, что Твен-юморист воспринимался в России вовсе не так уж однозначно. «Миллионер-убийца. Рассказ, за который я получил 50.000 долларов, Марка Тве-

на. С ненаписанного подлинника сообщил Русак» (Литературные вечера «Нового мира», 1899, № 2) — сатира на рекламный бизнес в Европе и Америке. В «Стрекозе» (1900, № 26) имя Твена использовано для издевательства над редактором «Ведомостей» Киевского земледельческого синдиката А.И. Поляковым, публиковавшим нелепости, вызывающие ассоциации с твеновской сельскохозяйственной газетой. А в 1907 г., время политических волнений, в «Раннем утре» (№ 8) был опубликован памфлет «Роман старого публициста. (Вольное подражание Марку Твену)» за подписью Астролог (Н. Прединский), в сатирической форме изображавший известного издателя, журналиста, фельетониста и театрального обозревателя А.С. Суворина, который превратился в ловкого предпринимателя и проявил склонность к лакейству и шовинизму. Суворин показан престарелым ловеласом, ежегодно предлагающим свое сердце и кошелек разным дамам — Полиции, Конституции, Реакции и т. д.

Политическое звучание приобрел фельетон «Мелочи жизни» известного пародиста Б.Д. Флита (Незнакомец), напечатанный в 1907 г. в «Одесских новостях» (№ 7275), где делаются предположения относительно твеновского нежелания приехать в Россию. (Еще в 1901 г. в Петербурге прошел слух о том, что Твен намерен посетить город на Неве. В «Харьковском листке» (1901, № 519) была опубликована заметка о готовящемся приезде Твена и планах его чествования со ссылкой на петербургские сообщения. В «Петербургской газете» (1901, № 272) появилось опровержение, перепечатанное в «Одесских новостях» (1901, № 5432), этого слуха с письмом Твена, где писатель говорит: «Я заочно люблю Петербург и боюсь разочароваться. Лучше не быть и любить, чем быть и ненавидеть. Спасибо петербургской публике, которая читает меня больше, чем мои земляки. Это показывает не только мое сердце, но и мой кошелек»¹⁶). В своем фельетоне Флит высмеивает предвзятое обывательское представление о России на Западе, но под этим прикрытием намекает на русскую действительность после революции 1905 г., обличая казенщину, бюрократизм и полицейский гнет.

Продолжение в следующем номере

Список литературы

- 1 Вестник Европы. СПб., 1882. № 6.
- 2 *Касьян А.К.* Марк Твен в России (1872–1966): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1967. 23 с.
- 3 *Касьян А.К.* Марк Твен и юмористы сатириконцы // Очерки по зарубежной литературе. Иркутск, 1970. Вып. 1. С. 30–35.
- 4 *Левидова И.М.* Марк Твен. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1867–1972. М., 1974. 125 с.
- 5 *Старцев А.* Молодой Твен в России // *Твен М.* Знаменитая скачущая лягушка и другие рассказы. М.: Гослитиздат, 1943. 137 с.
- 6 *Теплинская Н.М.* Проблемы натурализма и романтизма в освещении демократических журналов 70-х годов XIX века // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века. Пермь, 1978. Вып. 2. С. 53–64.

References

- 1 *Vestnik Evropy*. St. Petersburg, 1882, no 6. (In Russ.)
- 2 Kas'yan A.K. *Mark Tven v Rossii (1872–1966): avto-ref. diss. ... kand. filol. n.* [Mark Twain in Russia. PhD Diss. Synopsis]. Leningradskij gos. ped. in-t im. A.I. Gercena, 1967. 23 p. (In Russ.)
- 3 Kas'yan A.K. Mark Tven i yumoristy satirikoncy [Mark Twain and the humorists-satiricists]. *Ocherki po zarubezhnoj literature* [Essays on foreign literature]. Irkutsk, 1970, vol. 1, pp. 30–35. (In Russ.)
- 4 Levidova I.M. *Mark Tven. Bibliograficheskij ukazatel' russkih perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke. 1867–1972* [Mark Twain. Bibliographical index of Russian translations and critical literature in the Russian language. 1867–1972]. Moscow, 1974. 125 p. (In Russ.)
- 5 Ctarcev A. Molodoj Tven v Rossii [Young Twain in Russia]. *Tven M. Znamenitaya skachushchaya lyagushka i drugie rasskazy* [Famous Jumping Frog and other sketches]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1943. 137 p. (In Russ.)
- 6 Teplinskaya N.M. Problemy naturalizma i romantizma v osveshchenii demokraticeskikh zhurnalov 70-h godov XIX veka [Problems of naturalism and Romanticism in the interpretation of democratic magazines in the 1870s]. *Russkaya zhurnalistika v literaturnom processe vtoroj poloviny XIX veka* [Russian Journalism in the literary process of the second half of the 19th Century]. Perm', 1978, vol. 2, pp. 53–64. (In Russ.)